Горелик, А.
Анархисты
в россий-
ской рево-
люции.

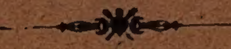
1922.

Освобождение трудящихся
есть дело самих трудящихся

Кор

АНАРХИСТЫ в РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК

ИЗДАНИЕ
Рабочей Издательской Группы в Респ. Аргентине
Июнь 1922
Тип. „Гол. Труда“

Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся

АНАРХИСТЫ в РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК

ИЗДАНИЕ
Рабочей Издательской Группы в Респ. Аргентине
Июнь 1922
Тип. „Гол. Труда"

Анархисты в Российской Революции.

Писать историю анархического движения, во время Российской Революции, будет свое время. В кратком же обзоре возможны были только общие выводы. Можно было дать только общую, схематическую картину, и то с птичьего полета. Ибо то на что требуются томы, не может быть изложено с достаточной последовательностью и ясностью в небольшой работе.

Если бы мне удалось дать, хотя бы, такую общую картину, я буду считать свою задачу выполненной.

В этой работе я не давал имен, ибо имена без дел—пустые звуки. А останавливаться на делах было невозможно: их слишком много, и дела слишком важные. Я не останавливался на формах организации, ибо это дело отдельной работы. Я не останавливался и на «програмных» вопросах, ибо эти вопросы—слишком обширные и слишком важные. К тому же, в начале Российской Революции, сугубых програмных подразделений не было. Велась широкая анархическая пропаганда. Разрушались политические предрассудки, экономические суеверия, внедрялись понятия новых форм общежития на анархических началах. Были даже попытки синтезировать, анархическое движение.

В Российской Революции анархисты разделились резко, но в другой плоскости и в другом направлении. На считавших октябрский переворот Социальной Революцией, ставших на точку зрения «Диктатуры Пролетариата» и «Переходного периода» и стоявших за «Единый фронт с большевиками». И не отрицавших всякую диктатуру, стоявших за создание Единого анархического фронта и резко отмежевавшихся от большевиков-коммунистов.

Точка зрения диктатуры и переходного периода привела многих к «анархо-большевизму» («советскому анархизму»), или просто к вхождению в партию большевиков-коммунистов.

Многие «анархисты» из вошедших в «партию», или стоявших на точке зрения «диктатуры» и «переходного периода» («анархо-большевики»), теперь бегут с своих позиций «анархо-большевизма» и резко выступают против большевиков-коммунистов. Но сущность у них осталась таже что и была. Они стоят за «Диктатуру Труда»; они признают необходимость «переходного периода» со всеми атрибутами Власти, но называют его периодом «синдикально-коммунальным» и т. д. и т. п.

Если раньше пришлось вести борьбу с крайностями «индивидуализма», «эксизма», «терроризма» и т. п. явлениями в анархическом движении, то теперь еще более сугубую, еще более суровую борьбу необходимо повести как с открытым так и с скрывающимся, под маской анархо-синдикализма и анархизма, «анархо-большевизмом».

Но все эти вопросы слишком важны, чтобы их осветить в нескольких строках. По каждому из этих вопросов необходима отдельная работа, чтобы понять ту роль, которую эти вопросы сыграли в Российской

Революции и ту роль, которую они еще будут играть в будущих революциях, а особенно в Социальной.

* * *

Рухнули старые стены. Петроград волнуется и демонстрирует. Вся Россия волнуется и молчит.

И от одного дуновения ветра, почти без человеческих жертв, рухнул карточный домик, домик Романовых, как только Российский народ перестал его боготворить.

Разные политические шарлатаны бросились в взбаломученное море Российской живни, чтобы выудить оттуда кое что дла себя и спасти свое имение.

«Родзянко, руководитель Российской Революцией». Керенский, руководитель народными массами». «Думский комитет во главе движения и т. д. и т. п.

Все стали революционерами. Все стали начальниками народа.

А фактически народные массы Петрограда руководили и толкали вперед и Родзянко, и Керенского, и Думский комитет.

Все они были не больше как игрушки в руках масс, пока игрушка не надоела массами была выброшена вон.

Фактически и Дума, и Родзянко, и Керенский, и Милюков и вся веселая братия политиканов строчила конституцию. Но в это время на ст. Дно был задержан и арестован Николай II анархистом Худаковым*). И о конституции разговору больше не было.

---

*) Худаков, — анархист с 1892 г. раб. железнодорожник. После революции был председателем армейского комитета, стоявшего в этом районе. Факт мне известен от тов. Худакова же.

Царь был низвергнут с трона и поднять его на трон уже было невозможно *) Царь в России умер.

* * *

Россия начала просыпаться. Как медведь дальнего севера Российский народ начал разминать свои члены,

С силой.

Резко.

И все паразиты, присосавшиеся к телу Российского народа, начали слетать один за одним. Помещики и пристава, губернаторы и арендаторы, полиция и жандармы не знали куда деваться. Офицеры обшивали пуговицы на мундирах красной материей. —Буржуи начали боязно выглядывать из окон.

Народ всюду совал свою «грязную» лапу. Отовсюду выгонял «читсую» публику.

Марсельеза, гром аплодисментов после зажигательной речи, приводили «верхи» и буржуазию в дрожь и оцепенение.

Расправа чувствовалась в воздухе. Чувствовалось нечто новое, неслыханное... Трудящиеся требовали свое и часто сами отбирали...

Никто не подчинялся и все приказывали.

В это время движением Российской Революции еще никто не руководил.

Но вот из заграницы начали приезжать массы социалистов и анархистов, возвращались в Европей-

---

*) По словам тов. Худакова Думский Комитет и Керенский не раз делали поползновения вырвать Николая II из Царского Села, но отряд, назначенный по постановлению армейского комитета под председательством Худакова, для охраны Николая II, не выдавал его.

скую Россию ссыльные и каторжане и в массы полетели целые тучи криков, лозунгов, обещаний и предостережений.

Массы отшатнулись от вчерашних «вождей»... Но «долой короля,—и да здравствует король!»... И массы начали искать себе новых «вождей».

Анархисты и большевики начали овладевать движением и задавать тон.

• • •

Уже в это время анархисты играли немалую роль. Дача Дурново, где массы рабочих услыхали смелый вызов всему старому; Кронштадт, где анархическое слово падало на отважную революционную почву; Москва, где анархисты начали проникать в рабочие организации; Харьков, Екатеринослав, Донецкий Бассейн, Дон, Киев, Одесса, весь юг, который был охвачен анархической пропагандой*); работа анархистов в Сибири и на Урале, сделали то, что анархисты стали известны в широких трудовых массах рабочих и крестьян. Во многих местах состоялись областные и местные конференции анархистов.**)

Во Владивостоке, куда я в это время прибыл, анархисты настолько овладели симпатиями масс, что когда совет захотел не пускать анархистов—эми-

---

*) В июне 1917 г. в Харькове уже была анархическая конференция Юга России, где были вынесены определенные мнения по многим вопросам и было решено созвать Всероссийский С'езд Анархистов. См. «Хлеб и Воля», выходивший в Харькове и «Бюлетень» тамже.

**) Конференции местные и областные были в Петрограде, в Москве, в Саратове, в Екатеринославе и почти во всех больших городах России.

грантов в Европейскую Россию, а отправлять их прямо в армию или на фронт, гарнизон, в составе четырех полков и батареи, потребовал немедленно нас выпустить на родину, повернув жерла пушек к городу. Социалисты-революционеры и социал-демократы (меньшевики), имевшие большинство в совете, перед разинутой пастью пушек не раскрыли даже рта.

Уже в это время была затаенная борьба между низами партийно-большевистскими и анархическми. Но общая судьба связывала их. А громкие лживые фразы*) Ленина и других социал-демократов большевиков вскружили многим анархистам головы. Особенно анархистам «интелигентам». Много эти анархисты продолжали критиковать «большевиков» централистов. Но, «в России началась Социальная Революция»,—«между большевиками и анархистами только мостик из папиросной бумаги», «Да здравствует Диктатура Пролетариата». «Да здравствуют Советы», «Вся власть Советам» и т. п., были ходячими дорогами в среде этих анархистов.

«Через диктатуру пролетариата к безгосударственному социализму,—к анархизму», было лозунгом дня большинства этих анархистов.

Во всех промышленных центрах и во многих деревнях необ'ятной России, шла кипучая работа анархистов.

---

*) См. брошюры Ленина: «Государство и Революция», «Политические партии в Росси» и др., где он показывает и доказывает что большевики больше анархисты, чем сами анархисты. Тоже высказывали и многие другие большевики. «Азбука коммунизма» Бухарина. Тезис 20-й коминтерна и д. д. и т. д.

В Москве, в Петрограде, в Екатеринославе, в Харькове, в Одессе и Ростове, Иркутске и Владивостоке, не говоря уже о Донецком Бассейне и Урале, анархисты в большом количестве были посылаемы рабочими в фабрично-заводские комитеты*), культурно-просветительные рабочие организации, профессиональнные союзы, советы и другие рабочие организации.

* * *

3—5 Июля 1917 г. Кронштадские матросы, руководимые анархистами и рядовыми**) большевиками, демонстрировали в Петрограде.

Кронштадцы были обезоружены и анархические и большевические организации разгромлены.

Это еще ближе толкнуло анархистов к большевикам. Общие партийные и групповые интересы заслонили интересы трудящихся масс, интерес строительства фундамента для новой жизни.

Некоторые анархисты даже заговорили о вхождении в партию.

---

*) Фабрично-заводские комитеты были созданы самими рабочими, сейчас же, после февральской революции. Их задание было: контролировать производство. Их цель: переход в руки фабрично-заводских комитетов всего производства. В будущем фабрично-заводские комитеты сыграют свою роль. Теперь же фаб.-завод. комитеты превращены в большевические наблюдательные органы.

**) Верхи большевиков (социал-демократов!) были против выступления. Троцкий еще накануне 3 июля выступал на заводских митингах против выступления.

Особенно было увлеклись этим сближением «верхи»,—старые анархисты, неспособные к работе в массовом движенаи, пережившие не одно разочарование и боявшиеся «сильных увлечений».

«Верхи — интелигенты» не внали настроений масс. До них доходило только эхо этого движения и, по большей части, в извращенном виде. И они

вместо того, чтобы расшатывать дальше народные массы, их силы и стремления;

вместо того, чтобы на основании совместной работы с массами, делать надлежащие выводы и давать ясные советы в анархическом духе;

вместо того, чтобы, хотя бы, углублять анархическое сознание, схваченное массами на лету, не укрепившееся еще и не выкристализовавшееся;

вместо того, чтобы создавать кадры работников идейно сильных, но молодых и подвижных;

вместо того, чтобы бросить и свое „да" на чашку весов анархического движения,—

занялись указыванием то на неизбежность диктатуры партии большевиков, то ударялись в крайний «синдикализм», то проповедыванием анархо-большевизма.

Ни откуда не приходило громкого призывного клича, чтобы создать свой фронт,—фронт анархический.

Если бы это случилось тогда, и меньше жертв былобы и анархическая работа дала бы лучшие результаты.

Во всяком случае анархисты не оказались бы под пятой у большевиков и имели бы свои, анархические, сильные рабочие и крестьянские организации: индустриальные, синдикальные, общинные и другие.

Низы же анархические,—больше революционеры, чем анархисты,—делали свое дело в массах как умели.

* * *

Заглохшее на некоторое время после 3—5 июля анархическое движение, вскоре начало оживать с еще большей силой. Но теперь массы выдвигали и толкали анархистов вперед.

Под руководством и при активнейшем участии рабочих анархистов, уже в то время, совершался переход большинства фабрик и заводов в руки самих рабочих*), еще до «октября» и до знаменитых декретов. Рабочий контроль в городе и захват земель в деревне был совершен по всей России самыми рабочими и крестьянами. И в том массовом захвате анархисты сыграли свою роль. Но анархисты-рабочие были слишком слабы и идейно и количественно, чтобы закрепить это слишком массовое творчество. А идейные анархисты,—«интелигенты», или наслаждались революционным духом, или растерянно смотрели во все стороны.

Я лично считал и считаю, что в России не было Социальной Революции ни до, ни после октября. Поэтому создание анархического фронта, т. е. создание антиавторитарных, свободных рабочих и крестьянских организаций и «организации» анархических сил в 1917 г., не сделали еще в России Соц. Революции. Но в Рос. могло быть тогда создано

*) Руководство и управление заводами и фабриками переходило в руки, выбиравшихся и контролировавшихся рабочими же, фабрично-заводских комитетов. Каждый завод управлялся своим фабрично-заводских комитетом.

богатейшее массовое, рабоче-крестьянское, анархическое движение и заложен крепкий фундамент для Социальной Революции.

Вызванный рабочими в Донецкий Бассейн и осев в Екатеринославе, я нашел такую симпатию к анархической мысли, которую трудно было даже предвидеть. В одном Донецком Бассейне анархисты могли бы навербовать сотни тысяч членов, если бы захотели создать «партию» анархистов.

Но идейных работников было мало, даже слишком мало. Каждую неделю приезжали десятки представителей от рабочих из разных мест Донецкого Бассейна и Донецкой Области, требуя людей, требуя литературы, требуя идейной и духовной помощи. Работников свободных не было. И сколько я не писал, не громил Петроград и Москву, где засели по большей части идейные анархисты, я не мог никого сдвинуть с места. И анархическая мысль растворялась в массовой мысли-становилась примитивной.

На сколько сильно было влияние анархистов в массах трудящихся до октября, можно судить по тому, что большевики, во главе с ультра-марксистом Лениным, вынуждены были выбросить большую часть своего марксистского и, даже Ленинского, багажа за борт и заговорить о «бакунизме», о федерализме, об отрицании гусударственной власти, о свободной инициативе, самодеятельности масс, о власти на местах,—даже, об анархизме*)

Как выяснилось на с'езде анархистов в Харь-

---

*) См. „Государство с марксистской точки зрения" изд. 1917 г. Ленина, 20-й Тезис Коминтерна, Азбука коммунизма и др.

кове*), все промышленные районы (Донецкий Бассейн, Донская область, Урал, Петроградский и Московский районы), большинство Сибирских городов, большие промышленные города (Харьков, Екатеринослав, Одесса, Киев, Ростов и др.) находились под большим влиянием анархистов. Во многих местах (Донецкий Бассейн, Екатеринослав и др.) массы даже руководились анархистами.

Об официальных с'ездах и конференциях, о постановлении Кронштадского Совета, о резолюциях 1-й петроградской конференции фабрично-заводских комитетов и т. п. я не говорю здесь, ибо это зафиксировано и отражено в прессе.

В крестьянстве тоже в это время шла глубокая работа. Земля была в их руках. Их чаяния осуществились. Но как жить теперь, когда нет барина, нет полицейского? Как устроиться по братски так, чтобы всем было жить хорошо? Каким образом устроить живнь? Вот вопросы, которыми задавались крестьяне. Я лично мог бы привести не одну сотню фактов, показывающих что настроене деревни было революционное, прогресивное и с явно выраженым бесгосударственно-коммунистическим оттенком. Особенно на Украине. Ко мне, в Екатеринослав, приходили ходоки от сотен деревень с просьбами дать указания, научить их как строить новую живнь—коммуну2).

---

*) С'езд был нелегальный, но присудствовали делегты почти со всей России и Сибири. С'езд состоялся 25 декабря 1917 года.

2) Идея „коммуны" проникла довольно глубоко в сознание народных масс еще до октяря и это, может быть, сыграло немаловажную роль в превращении большевиков в „коммунистов".

Такую жажду света и знания в украинском землеробе, я никогда не предполагал. Жажда нового, лучшего охватила всех. Во многих селах делались крестьянами шаги в сторону общественно коммунальных начал. Организовывались массы, понятно, не вполне идейных коммун, артелей, кооперативов, одним словом бесконечное количество организаций взаимопомощи. Но об этом, как и о многом другом, в другое время и в другом месте.

Указал я на это только чтобы показать, как глубоко в массы как рабочих, так и крестьян, проникли идеи коммуны, идеи братства, идеи взаимопомощи, идеи бесгосударственной жизни,—идеи анархизма.

И это я думаю об'яснит также, почему большевики пошли к власти путем анархических лозунгов и почему многие анархисты так уверенно пошли с большевиками.

Эти анархисты, с одной стороны, слишком переоценивали массовый творческий порыв, и слишком недооценивали сущность большевизма, с другой.

* * *

Октябрь наступил сам собою,—как бы в порядке вещей.

Никто не был удивлен, ибо, еще за месяц до того, фундамет старого строя был разложен.

Старый мир рушился. Новый мир смело выглядывал отовсюду и со сосмеющимся лицом смотрел навстречу восходящему солнцу новой жизни. На всех фронтах (на севере—Корниловское наступление на Петроград; на юге—Казаки) молодые силы революции бросались в бой.

На этих фронтах анархисты играли большую и важную роль. Под Петроградом Колпинские рабочие под руководством анархистов, кронштадцы и др. и

калединском фронте отряд матросов кронштадцев во главе с анархистами; Черняковцы в Донбассе, Брянцы в Екатеринославе и масса других анархических отрядов отражали белых. Само собой понятно, что были и не анархические отряды. Но я здесь говорю о роли анархистов и их участии в отражении равных контрреволюционных и правых организаций, и ясно что указываю только на анархические отряды.

Но для анархической мысли, также как и для анархического движения, это было поворотным пунктом. В анархических рядах началось тоже к винтовке; и все молодое, все полное жизни, также как и все нетвердое идейно, бросилось в отряды и увлеклись боевизмом, который закончился только с окончанием фронтов. Многие анархисты погибли на фронтах, многие, потом, влились в ряды Красной Армии, где многие из них находятся и по сей день. Для анархизма же эти товарищи в большинстве были потеряны. Многое из того, что благодаря невероятным усилиям удалось создать за это время,—собирание и оргнизация анархических сил, работа в массах рабочих и крестьян,—начало распыляться.

Анархическая мысль начала растворяться в революционной.

А большевики не дремали. Еще лавируя между Учредительным Собранием и Советами, они уже определенно решили, всякою ценою, укрепиться в Зимнем Дворце. И только в январе 1918 г. (2 месяца после октября!!!) не получив большинства голосов и став перед фактами разгона Учредительного Собрания, отрядом матросов под командой анархиста т. Железнякова*), большевики отказались от «Учредилки».

*) Тов. Железняков был в этот день начальником

Политика большевиков как теперь, так и раньше, определялась реальным соотношением сил.

Но на местах революция шла еще своим путем. Еще продолжали бушевать народные волны. Еще гремели раскаты революционных громов. Массы все еще искали пути к новой жизни.

* * *

Октябрский переворот застал анархистов в России идейно неподготовленными и разгромленными. Увлеченные победами над реакционными и явно буржуазными партиями, большинство анархистов, убаюканные демагогией большевиков, поверили им и признали политико-большевистский переворот за Социальную Революцию.

Анархисты так были увлечены растущей силой революции и победами над буржуазией и помещиками, что они забыли, что марксисты —большевики уселись у Власти.

караула Учредительного Собрания. Поздно вечером он подошел спокойно к председателю Учр. Собрания социалисту-революционеру Чернову и предложил всем членам Учредилки разойтись так как уже надоела их болтовня и ее «работа» (т. е. матросы хотять спать). Так просто кончило свое существование Учредительное Собрание. Большевики в разгоне Учредительного Собрания участия не принимали, а только «узаконили» совершившийся факт.

Товарищ же Железняков, не смотря на его заслуги перед Революцией, преследовался большевиками и должен был скрываться. Деникин за его голову назначил 400.000 руб. в те годы. Погиб Железняк на фронте против Деникина.

Они поверили написанным на красном знамени словам: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

В анархическом движении в России, в 1917 году, принимало участие большое количество вернувшихся из заграницы товарищей, где промышленный рабочий преобладает и где синдикализм есть фактор, играющий большую роль в борьбе рабочего класса за свое освобождение. Эти товарищи, слабые в своем опыте, вместе с большевиками заговорили о «диктатуре пролетариата» (не говоря уже о взаимоотношениях анархизма и диктатуры, даже, пролетариата, в России это значило диктатура кучки рабочих над многомиллионным крестьянством); о «едином фронте» («единый фронт» партийных государствеников—централистов и антигосударственников, децентралистов в строительной работе); о «переходном периоде» (забыв видно что Социальная Революция есть период строительства новой жизни и в «переходном периоде» не нуждается). Больше этого. Эти товарищи так увлеклись, что приняли Диктаторский переворот за Социальную Революцию, не смотря на то, что Совнарком уже заседал и издавал декреты.

Все выше сказанное привело к тому, что анархические элементы, за не большими исключениями, хотя и продолжали критиковать большевиков, государственников-централистов, — бросились сотрудничать с большевиками в государственнически—советских учреждениях.

Вместо того, чтобы использовать ослабление в массах веры во Власть и слабость самой властниче-

ской организации правительственных большевиков и повести усиленную пропаганду идей анархизма;

вместо того, чтобы разрабатывать теоретические и практические вопросы хозяйственного строительства страны на безгосударственных началах 1);

вместо того, чтобы быть в массах и продолжать анархическую работу:

вместо того, чтобы отвечать с анархической точки зрения на больные вопросы рабочих и крестьянских масс о возможности новой формы общежития и практических шагах к ним и т. д. и т. д., многие анархисты, особенно анархическая «интелигенция», выступили резко в защиту «тактики» большевиков, считая их пребывание у власти неизбежным и призывали рядовых анархистов к «творческой» работе с большевиками 2). Многие анархисты вошли в партию, многие заняли ответственные посты. Вошедшие в партию, по большей части, заявляют себя и теперь анархистами, занявшие посты в большинстве остались на постах 3).

---

1) За время революции не было издано ни одной работы в этой области, не считая нескольких брошюр и статей.

2) Особенно ярко оно выявилось впоследствии в журнале «Голос Труда», Москва 1919 г. Вышел всего один номер.

3) Имена не так важны, но чтобы не показаться голословным, укажу хотябы на несколько более известных анархистов, рабочий Альфа, (Аникет), Лисс, Кибальчич, Новомирский, Краснощеков-Тобинсон, Огурский—Чикагский, Самсонов, Барон—Лондонский, Саша Фельдман, Равкин, и бесконечное количество других вошли в Российскую Коммунистическую

Но что было всего ужаснее и страшнее это то, что именно эти „анархисты", с более или менее известными именами, занимались „осведомлением" заграницы. Именно эти „товарищи" информировали товарищей, приезжавших в Россию и рассылали свои письма по Европе с сенсационными информациями о „Социальной Революции" „о восходящей, заре с Востока",—даже тогда, когда не один десяток анархистов уже были расстреляны и не одна сотня томилась по большевистским тюрьмам под всевозможными вымышленными обвинениями и предлогами: анархо-бандитизм, махновщина, анархо-контр-революционеры и т. п. Только за последнее время, особенно после Кронштадта, у некоторых из этих товарищей начали открываться глаза на действительность в России.

Вот почему в западной Европе и в Америке создалось превратное впечатление о большевистском октябрском перевороте, о взаимоотношениях анархистов и большевиков (правильнее об отношениях большевиков к анархистам) и о Российской Революции вообще.

Партию (Самсонов, как член коллегии Всероссийской Чрезвычайной Комисси, один из главных и самых страшных преследователей и душителей анархистов); Рощин—Гросман, Шатов, Сандомирский, Алейников, Каменецкий, Таратута Саша, Ротенберг, Дукальский, Хаим Лондонский (Гейцман) и масса других ставших, советскими анархистами, или анархо-большевиками; А. Шапиро, Максимов, Беркман и многие другие—бывшие советские анархисты. Не говорю уже о сочувствовавших и полусочувствовавших большевистскому «Великому Опыту».

* * *

Но анархическая работа в массах развивалась. Сотни рядовых анархистов-рабочих остались в массах и продолжают свою работу. Почти во всех больших промышленных центрах анархисты пользовались симпатиями масс. Целые железнодорожные участки были под идейным влиянием анархистов. Центральный орган почтовых служащих редактировался анархистом. Донецкий бассейн, Донской промышленный район были всецело под влиянием анархистов. Как пример, может служить, хотябы, Екатеринослав-один из центров Донецкого Бассейна. Секретари в союзах металлистов, пекарей, деревообделочников, сапожников, портных, чернорабочих и мельничных рабочих и мног. друг. были анархисты В фабрично-заводских комитетах Брянского завода, завода Гантке, Днепровского, Шадуард, Трубного, Фрунклина,, Днепровских мастерских, Российского общества (Каменское) и многих других анархисты находились в большом количестве и в большинстве были председателями этих комитетов.

В происшедшей в Екатеринославе, по поводу октябрьского переворота, демонстрации распорядителем ее, во главе 80.000 толпы, были поставлены Екатеринославская Федерация Анархистов и Брянский Завод, с черными знаменами.

Из делегатов на общегородскую конференцию фабрично-заводских комитетов выделилась большая часть делегатов и пришла к анархистам с требованием, чтобы анархисты помогли им взять производство в свои руки,—руки рабочих. Три ночи, после общих дневных заседаний, простые рабочие провели над этим вопросом. Большевикам пришлось употребить всю силу своего „влияния“ (отказывать в фи-

нансах, сырье, снабжении, транспорте и т. п.), чтобы заставить Екатеринославских рабочих подчиниться их, государственнически-бюрократическому, хозяйничанью.

В голове такая уйма фактов, данных, что не знаеш что выбрать раньше. Поэтому лучше поговорим об этом слишком важном вопросе,—взаимоотношений большевиков и рабочей массы, как и многих других важных вопросах, в другой раз. Теперь я отметил только пару характерных фактов того периода, хотябы в одном городе. То же происходило и в большинстве других городов: Харькове, Одессе, Киеве, Мариуполе, Ростове, Петрограде, Москве и Иркутске.

В деревне же, особенно на Украине, работа анархистов была очень плодотворна. Работа анархистов в этот период дала возможность так развиться вольному добровольному революционно-повстанческому движению в украинской деревне. Это массовое революционное движение пережило много невзгод и, понятно, начало изменяться и часто подменяться. Но в общем дух антиавторитарных начал, дух стремления к строительству собственной жизни собственными силами, помимо центральной власти и власти вообще,—силен и по сей день. Я не говорю, понятно, о тех извращениях, которые, благодаря известным условиям, внедрились в центральную, чисто боевую, группу Махно. "Махновщина", как это революционно-повстанческое движение на Украине и вообще в России, неправильно называется, и Махновские отряды—разные понятия, хотя в минуты угрозы со стороны власти они часто об'единялись для общей защиты. Тема слишком обширная, чтобы исчерпать ее здесь.

Несмотря на ренегатство и „дезертирство" боль-

шинства „интелигентных“ сил, во многих городах России выходили анархические ежемесячники и еженедельники, которых в это время насчитывалось около 30—40. Всего же за время революции выходило до 100 периодических изданий. Многие гибли после первых номеров, а многие выходили более или менее продолж. время. Заслуживают внимания быть упомянутыми, не входя в их оценку, „Голос Труда“, „Буревестник“ „Свободная Коммуна“, „Вольный Кронштадт“ в Петрограде и Кронштадте; „Анархия“, ‚Труд и Воля‘, ‚Вольный Голос Труда‘, „Подпольная Анархия“, „Универсал“, „К Универсалу“ и „Вольная Жизнь“ в Москве; „Хлеб и Воля“, „Рабочая Мысль“, „Набат“—Конфедерации в Харькове; „Свобода внутри нас“ в Киеве; „Анархист“ в Ростове; „Голос“ Анархиста“ в Екатеринославе. Были газеты и журналы в Саратове, в Одессе‘ в Елисаветграде, в Гуляй-поле и многих других местах. Во всяком большом городе создавались более или менее солидные издательства. Анархическая литература была распространена по России в большом количестве. Прокламации и брошюры печатались десятками и сотнями тысяч.

По всей России в это время анархисты работали лихорадочно. Созывались анархические с'езды, конференции, совещания; создавались анархические областные и др. об'единения, создавались разного рода анархические Бюро и т. п. и т. д.

Влияние анархистов в массе рабочих и частично крестьян было настолько велико, что не давало большевикам покоя. И большевики не преминули воспользоваться первым попавшимся предлогом чтобы разгромить анархические организации почти по всей России. В виде подготовки, еще до разгрома (а тем паче после разгрома!),—началась самая ужасная

травля на анархистов в казенной-большевистской прессе. Самые подлые способы были употреблены чтобы создать „общественное“ мнение,—что громятся и обезвреживаются самые ужасные контр-революционеры и уголовные преступники 1). Большевики-коммунисты использовали весь арсенал лжи и подлости, оставленной им в наследство их учителями Марксом, Энгельсом, Либкнехтом и другими и даже превзошли их, ибо имели в своих руках власть.

Разгром начался ночным походом, в апреле 1919 г., на московских анархистов, занимавших к этому времени около 25 особняков. Выдав еще накануне разгрома кой какое оружие для анархических организаций Москвы, большевики, в ту же ночь, без всякого предупреждения 2), открыли огонь из пулеметов и даже пушек по домам, где мирно спали анархисты. В некоторых домах анархисты, думая что их окружили белогвардейцы, усиленно отсреливались.

Гул орудий и трескотня пулеметов раздавались по Москве всю ночь.

---

1) См. Бухарина „Азбука Коммунизма“, Радек „Советская власть и Анархисты“, сов. прессу того времени и другие произведения большевиков.

2) Многие товарищи были взяты полуодетыми. Один из анархистов, тов. Ф, спросил у следователя, ведшего это дело—„Зачем вы это сделали?“ Следователь на это ответил: „Представители Антанты сидят в Вологде и отказываются от переговоров, заявляя, что с правительством, идущим рука об руку с анархистами и дающим им такую свободу они не могут говорить... Мы не могли иначе поступить. Вы сами должны понять,—что иначе мы поступить не могли.

Руководил этим наступлением сам будущий председатель Венгерской Социалистической Советской Республики—Бела-Кун.

Анархические организации были разгромлены, клубы разогнаны.

Вся анархическая пресса была закрыта.

Вся захваченная анархическая литература уничтожена.

А в это время Троцкий, от имени большевиков, вел переговоры с председателем американского Красного Креста в России, Робином 1), предлагая создать фронт против немцев и помочь Антанте, если Антанта признает правительство большевиков...

А через некоторое время был заключен мир с немецким империализмом.

* * *

В то время, когда большевики уплатили пятьюстами голов левых социалистов революционеров за голову представителя Германского Императора, графа Мирбаха; в то время, когда правительство большевиков-коммунистов и их представитель в Берлине Иоффе, вместе с Гинденбургом и Вильгельмом II, оплакивали смерть сатрапа, фельдмаршала Эйхгорна, убийца Эйхгорна,—левый социалист-революцинер, матрос Донской пытался в Германо-Гетманской контр-разведке, а тысяча других революционеров умирали от рук палачей, или томились в украинских и донских тюрьмах,

Уже в начале 1918 года большевики-коммуни-

---

1) См. „Осужденеые на 20 лет“,—дело американских анархистов Абрама, Липмана и других в 1918—19 год. в Америке.

сты за власть предавали и продавали и Российскую Революцию и российских революционеров, в том числе и анархистов. И удивительно, как могла легенда о революционности большевиков так распространиться по всему миру.

Анархисты на Украине и при Гетмане продолжали играть большую роль.

Разочарованные в немцах и в Гетмане и, „вообще, в офицерстве, массы начали восставать. Анархисты, понятно были не из последних в этой гигантской борьбе как идейно, так и физически, против окупационных войск немцев, французов, англичан и др. На Украине появилась масса повстанческих отрядов, руководимых анархистами. О пропагандистской и революционной работе анархистов говорила немало и казенная-большевистская пресса того времени.

Но здесь важно отметить только революционно-повстанческое движение, известное под именем Махновщины, которое сыграло очень большую роль в истории Российской Революции и которым большевики за последние годы стараются подменить российское анархическое движение и российский анархизм 1)

Сам Махно-анархист, которому смертная казнь в 1907 году по малолетству была заменена вечной каторгой. Еще в 1916 году он носил ножные кандалы

1) См. бр. Яковлева „анархо-синдикализм перед лицом Европейского пролетариата“, изд. Коминтерном на нескольких европейских языках. Его же „Русские анархисты в Великой Русской Революции“ изд. Госиздат. и т. п. и т. д. В последнее время ведут усиленную пропаганду заграницей в этом направлении, чтобы дескредитировать анархизм.

в Бутырском одиночном корпусе в Москве. Освобожден после революции в 1917 г. Сын крестьянина, малограмотный, бывший рабочий на Гуляй-Польском заводе, он развился только в тюрьме. Пишет малограмотно и сейчас. Хороший оратор, смелый и предприимчивый организатор, он уже в 1917 году играл видную роль в Гуляй-польском районе и пользовался большой популярностью и уважением среди крестьян и рабочих этого района. Во второй половине 1918 года Махно появляется нелегально опять в этом районе, где, с двумя товарищами, отвечает террористическим актом на издевательства буржуазии, помещиков,—немецких и других отрядов над крестьянами и рабочими. Махно стал быстро популярен в массах. К началу 1919 года имя Махно было грозой для всякого контр-революционера. Отряды его имени насчитывали десятки тысяч человек.

В начале 1919 года революционными повстанческими отрядами была очищена вся Украина от контр-революционных войск и отрядов. Особенную роль сыграли отряды, руководимые анархистами. Особенно отряды Махно.

Роль повстанчества в борьбе со всеми контрреволюцинными силами, внутри и извне, не может быть переоценена. Повстанчество, т. е. самовольно и добровольно вооружившиеся массы рабочих и крестьян, отстояло Российскую Революцию и не дало реакции справа снова овладеть Российским народом. Так было на юге, так было на востоке, так было и в Сибири и в Туркестане. Повстанчество слишком важное явление в Российской Революции, чтобы на нем останавливаться поверхностно. Повстанчество фактически вынесло всю Российскую Революцию на своих плечах. И будущий историк Российской Революции в свое время нам не мало раскажет о

роли революционного повстанчества в Российской Революции. Наша же задача выяснить роль анархистов в этом революционном движении. И только постолько, посколько революционное повстанчество играло роль в судьбе анархизма и анархического движения в России, мы на нем и будем останавливаться.

Сейчас же после своего вступления на Украину, очищенную и занятую повстанцами, большевики-коммунисты увидели, что Украинские рабочие и крестьянские массы не будут для них опорой. Большевики почувствовали, что анархисты слишком глубоко вкоренили в трудовые массы Украины недоверие ко всякой власти (анархисты-рабочие уже тогда знали цену большевистской власти) и что не только демагогией, но и физической силой эти массы им не подчинить себе.

И большевики-коммунисты начали искать выхода из этого положения.

В это время главные силы революционных повстанцев, под командой анархиста Махно (сам Троцкий утвердил Махно командиром революционно-повстанческой дивизии), держали фронт против новообразовавшейся Добровольческой Армии на самом важном участке, против ген. Шкуро. Босые, оборванные, снабжаемые крестьянами пищей и фуражем, сами себе добывавшие до сего времени вооружение и обмундирование, теперь они потребовали его у большевиков, с которыми вместе держали фронт. Им это было обещано. Но Троцкий уже разработал свой план уничтоженя повстанцев-махновцев и лишения и Махно, и анархистов, работавших среди повстанцев, популярности и влияния. Еще 29 апреля 1919 г., ко мне в Мелитополь приехал из Харькова не анар-

хист, просивший предупредить кого нужно, что на тайном совещании Ц. К. Р. К. П. решено разгромить «Махно» и нанести «удар» анархистам.

Троцкий оружия не дал. И после долгих дней безпатронного сидения в окопах революционные повстанцы не выдэржали и начали отступать.

Знаменитый приказ Троцкого от 4 мая 1919 г. сделал остальное.

Революционных повстанцев ловили и расстреливали без суда большевики, а Шкуро расстреливал «махновцев» пачками и рубили, им головы, если они попадали к нему в плен. В одном Мелитополе было расстреляно 69 махновцев 1), добровольно сдавших оружие и желавших пойти на фронт в Красную Армию.

Многие анархисты и левые социалисты-революционеры были арестованы и некоторые расстреляны. В одном только Харькове было расстреляно 7 человек анархистов и левых социалистов-революционеров.

В это время большевики-коммунисты создавали свою империалистическую «Красную» Армию, с железной дисциплиной и централизацией, которая им нужна была не только для борьбы с контр-революцией, но и с революцией. И «гнездо» революционных повстачцев 2), стремившихся к новой, лучшей жизни, было разгромлено.

---

1) Факт известен лично от председателя Мелитопольской Уездной Чрезвычайной Комисии, коммуниста Семенова.

2) Чтобы познакомиться с идейно-революционной физиономией революционных повстанцев—смотреть «Протоколы с'ездов революционных повстанцев», «Декларации револ,-повстанч. армии (махновцев), их орган «Путь к свободе» и т. п.

Лихорадочная анархическая работа в то время велась по всей Украине и, понятно, преследование анархистов большевиками-коммунистами началось всюду. В Екатеринославе были арестованны секретариат Конфедерации анархистов Украины «Набат» и почти вся федерация. Были арестованны целые федерации в Одессе, в Киеве. В других городах организации громились. Поход на анархистов на Украине был сильный и жестокий.

Но слишком кратковременное пребывание большевиков-коммунистов на Украине не дало им возможности развернуться и показать себя.

В 1919 году Украина была очагом анархического духа.

На севере же анархисты преследовались все жесточе и жесточе. Все организации были разгромлены или влачили жалкое, полулегальное существование. Палачи, члены Российской Коммунистической Партии, не за одну голову анархиста получили «разовые». Даже легальная конференция анархо-синдикалистов в Москве бала арестована в полном составе. Анархисты преследовались беспощадно. Кругом была мертвая благодать. Анархическая «интелигенция» молчала. А заграницей анархисты шли вместе с коммунистами.

В среде анархистов началось подпольное движение. И в сентябре месяце 1919 года, в помещение Московского Комитета Российской Коммунистической Партии, по Леонтьевскому переулку, была брошена пудовая бомба членами подпольной организации анархистов. Контр-революционеры ни к этому взрыву, ни к этому делу отношения не имели 1). В идей-

1) См. «Красную книгу», Всероссийской Че-ка.

ности и крайней честности 1) большинства участников сомневаться не приходится. Этот взрыв был ответом на подлости и мерзости большевиков-коммунистов. И хотя большинство «идейных» анархистов 2) (по терминологии б-ков-коммунистов) протестовали против взрыва и заклеймили подпольных анархистов, но когда нибудь беспристрастный историк Российской Революции очистит имена этих жертв большевистского коммунистического террора.

В деле Леонтьевского переулка, под угрозой расстрела 3), большевики-коммунисты приобрели ни одного провокатора, купившего себе «жизнь» и «свободу» ценою жизни товарищей.

Все эти провокаторы стали членами Российской Коммунистической Партии (!!!)

Вообще большинство палачей и провокаторов входят членами в Р. К. П. 4) И это неудивительно,

---

1) См. Красную Книгу В. Ч. К.

2) Принципиальный противник террора и эксизма, как методов борьбы, я всетаки не могу не протестовать против поступка «идейных» и легальных анархистов, выступивших против них в казенной-большевистской прессе.

3) Один из любимых методов Чекистов это ставить «к стенке» и направлять револьвер или даже стрелять над головой допрашиваемого. Такую пытку часто не выдерживали даже люди большой силы воли.

4) Некотрые палачи имеют ордена красного знамени. А один палач (Емельянов, кажется,—за фамилию не ручаюсь, но за достоверность факта ручаюсь), член Р. К. П., праздновавший свой

ибо каждый член Рос. Ком. Партии (по неофициальному предписанию Ц. К. Р. К. П. 1921 г.) должен сотрудничать в соответствющей по месту Чека.

После Леонтьевского взрыва анархисты окончательно не могли работать. На севере громили анархистов беспощадно. На Украине же, как только большевики-коммунисты (опять при помощи революционных повстанцев, особенно «Махновцев»1) очутились там, начали беспощадно расстреливать и преследовать анархистов. Провокаторы Леонтьевского переулка гастролировали по Украине и доставляли пищу большевистско-коммунистическим палачам. Расправа шла самая жестокая и самая кровавая. Лекции анархистам не разрешались. Типографии опечатывались. Печатать литературу не давали. Ни одной газеты не разрешали издать.

Погромная волна на анархистов была невероятная, несмотря на то, что на всех фронтах в это время гибло немало анархистов, боровшихся вместе с коммунистами плечем к плечу против белых.

Только на Севере, правильнее в Москве, они «оставили» несколько оппортунистических, ничего не стоющих организаций анархистов... для иностранцев.

---

1) Смотреть большевистскую казенную прессу периода Деникинщины.

тысячный расстрел, умер в санатории В. Ч. К., где, находилась Мария Спиридонова; этот палач был вынесен при почетном карауле, под звуки Интернационала. Во главе процессии было Красное Знамя!!! (Поучительно для европейских и американских-коммунистов!)

* * *

В 1920 году реакция «слева» свирепствовала во всю.

Опираясь на внешние фронты, большевики-коммунисты разделывались внутри со всякой свободной мыслью, со всяким независимым словом. Все свободолюбивые душились и запирались. Все возмущавшиеся беспощадно расстреливались.

На Украине, в Сибири шло кровавое искоренение всякого выявления недовольства. Повстанческая масса, бывшая все время в боях, теперь потребовала, с оружием в руках, отчет за содеянное большевиками-коммунистами и их сотрудниками в деревнях и городах. Они также потребовали выполнения «октябрсих» обещаний.

Но прессы не было. Все революционные организации были разгромлены. Все революционеры были спрятаны под замок, или скрывались. Почти вся легальная работа анархистов заглохла.

Но, несмотря на все ужасы репрессий, усиленная действенная анархическая пропаганда велась всюду, даже в самих глухих местах России. Даже низы коммунистической партии были задеты анархической пропагандой. Низы, честно верившие в возможность осуществления коммунизма сверху, думавшие что можно быть у власти и не узурпировать ее, быть членом органа удушения и не обюрократиться, быть участником государственной машины и не «окомиссариться»,—были разочарованы всем, что они видели и знали в действительности. И в партии коммунистов-большевиков началось брожение. Оппозиция назревала. Из партии бежали все, кто только был честен и имел смелость сделать это но все члены

Р. К. П. были мобилизованы и выход из партии, в это время, был связан с большими неприятностями. Не только выход, но, даже, оппозиция беспощадно преследовались.

Наиболее яркий и характерный пример, это высылка из Украины всего центрального Комитета Коммунистической Партии Украины, бывшей в оппозиции к «Москве», несмотря на то, что этот Центральный Комитет, был избран на Всеукраинском с'езде Компартии Украины. На его место был прислан назначенный «Московский» Центральный Комитет, во главе с «известным» Яковлевым (Эпштейн). Все недовольные, даже в самой коммунистической партии, убирались в места не столь отдаленные: Мурман, Сибирь, а иногда...

О тысяче более мелких фактов говорить не стану.

После этого говорить о положении анархистов и отношении к ним власть имущих не приходится. Разгул власти был самый ужасный. Преследовались не только анархисты, работавшие активно в пропаганде, но и культурные работники и практики. Не оставлялись в покое и свободные коммуны, артели и т. п., желавшие сохранить хотя бы какую нибудь независимость.

Даже мирные анархисты, последователи Толстого, зверски преследовались. Сотни из них сидели по тюрьмам, а 92 человека были расстреляны большевиками-коммунистами. Документы, подтверждающие вышеизложенное, я видел у Черткова. Многие коммуны мирных анархистов (в Смоленской губернии и других) были разгромлены или разграблены окончательно за неподчинение декретам, или отказ от продовольственной разверстки.

1-го октября 1920 года последователь Толстого,

мирный анархист, Сережа Попов, случайно попал на доклад товарища Волина в Москве и был арестован вместе с другими анархистами. Нужно сказать, что Сережа Попов вегетариянец, не едящий, даже, яиц и молочных продуктов. И вот этого анархиста, опасного врага Советской Власти, «кувыркали» через «парашу», на руках «носили» на допрос и т. д. и т. п. Его, беспаспортника, еще в николаевское время о т к а з а в ш е г о с я брать оружие в руки, и даже никогда не злящагося, продержали во Внутренней тюрьме, при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, 37 дней, хотя большевики-коммунисты и, вообще, все радикалы в Москве знали его и его взгляды очень хорошо. Уже в 1921 году, в 1-м Строительном Институте в Москве, студенты-коммунисты арестовали Сережу (вместе со мной), как контр-революционера и обвинили его «в призыве к в о о р у ж е н н о м у свержению Советской Влести»!!

Толстовец, призывающий к в о о р у ж е н н о м у восстанию!!! Достойно коммунистов!

В Украинских деревнях ходила поговорка: «При большевиках даже лошади и коровы стали контр-революционерами».

Мне часто приходилось беседовать с апостолами
м и р н о г о с о п р о т и в л е н и я и те ужасы, ко-
торые я от них слышал, приводили меня в содра-
гание.

Не лучше, понятно, приходилось и каким бы то
ни было анархическим начинаниям. Коммуна в
Харьковской губернии, где я работал вместе с дру-
гими старыми товарищами анархистами, прямо гра-
билась и разрушалась. Помимо всех препятствий в
получении помощи и какой либо поддержки, нас
Чека часто удостаивала своими визитами, а офици-
альные и официозные органы делали все возможное,

чтобы добровольная коммуна прогорела и превратилась в «советское хозяйство». В конце концов, за отказ дать бесплатно жене товарища председателя Харьковского Губ. Исполн-го Комитета 3-х мешков яблок, председатель Уездного Исполнительного Комитета сделал налет на коммуну, разругал нас всех и заявил, что «в Росс. Социалистической Федеративной Советской Республике добровольных об'единений быть не может», что «Россия страна коммунистическая и все должны подчиняться центральной власти», хотя, по утвержденному губернским земельным отделом уставу, мы являлись добровольным об'единением. Сбор фруктов был задержан и урожай гнил в саду, не смотря на то, что весь урожай был запродан в переработанном виде (варенья и повидла) государственным продовольственным органам. Варочная стояла. Фрукты грабились и растаскивались официальной охраной. И, наконец, сам земельный отдел забрал 125 пудов фруктов...

Терпение наше больше не выдержало. Я, с другими товарищами, побывали у заместителя Народного Комиссара Земледелия, Викторова и представили ему, по его просьбе, доклад обо всем происшедшем. Но понятно, все осталось как и было, за исключением обещаний. Когда же, по указанию Викторова, потребовали оплату за взятые незаконно фрукты, то ни в одной книге не оказалось даже указания об их получении.

Много ярких картин бесшабашного башибузучства по отношению к свободным организациям и коммунам можно было бы дать. Разгон вооруженной силой, вплоть до открытия огня из пушек по коммуне в Гуляй-Польском Районе и т. п. и т. д., практиковались очень часто. Но об этом в другое время.

Всякое предприятие анархистов преследовалось беспощадно.

Ни школы, ни артели, ни коммуны, ни какие бы то ни было другие предприятия, мало мальски свободоначальные, существовать не могли.

Вышеприведенные несколько фактов настолько характерны и показательны, что говорят сами за себя. После этого, мне кажется, не приходится уже говорить что приходилось переживать и переносить революционерам анархистам, делавшим хоть что нибудь. Легального анархического движения ни в России, ни на Украине-больше не было. II и III конференции Конфедерации анархистов Украины «Набат» были не легальны. Анархическая пропаганда велась почти во всяком рабочем предприятии и в большем количестве деревень России, а особенно Украины. Не было почти предприятия, где бы не было анархиста. Неорганизованные, не связанные между собой и преследуемые за то только, что они —анархисты, многие часто заявляли себя беспартийными. Уже в 1921 году, в Москве, я следил за Всероссийскими с'ездами центральных об'единений Профессиональных Союзов и оказалось, что на каждом с'езде были анархисты и сочувствующие. Но по «некоторым» причинам не имели возможности ничего делать и заявляли себя беспартийными. Коммунистические ячейки «зорко» следили.

Описывая все это, мне, временами, становится страшно. Не поверят, что я говорю только правду и описываю картины из действительной жизни.

Но, к великому сожалению, я ничего поделать не могу. Как ни больно, как ни охватывает ужас при одном воспоминании обо всем этом, но это факты (хотя я даю одни из тысяч) и факты, кото-

рые не вычеркнешь из Российской действительности. Это—горькая, ужасающая, но—действительность. В России таким явлениям, даже, перестали удивляться.

Но все это делалось на поверхности, там где жизнь сталкивалась с властью. А в глубине жизни шла своим потоком глубокая работа. Мелкими ручейками текла, по всем направлениям необ'ятной России, анархическая работа.

Глубокая, серьезная работа проделывалась самими массами, ушедшими в свои беседы, в свои обсуждения, в свои разборы, в свои искания.

Опять только несколько примеров. Жажда книги, жажда знания жизни, жажда разобраться в событиях была настолько велика и сильна, что в многих деревнях, летом, после невероятного дня работы, многие крестьяне, из молодежи особенно, усаживались с коптящей лучиной за книжку и часами слушали чтеца с захватывающим интересом. В Киевской губернии мне приходилось видеть анархические журнальчики, побывавшие в трех уездах. Даже я, уже с трудом разбирал растертую печать, а деревенская молодежь зачитывалась этими журнальчиками. В Украинской деревне я находил простых крестьян, перечитавших всю анархическую литературу на русском языке, вплоть до Штирнера и Токера, и разбиравшихся в теориях не хуже, если не лучше, заврзятых политиков. Одна хотя бы махновщина, на Украине, показывает, что массы, не только стихийно, но, более или менее, сознательно, стремились к другой, лучшей жизни без хозяев, капиталистов и помещиков, без правителей, без Власти. И поэтому и большевики-коммунисты, и белогвардейцы так жестоко расправлялись с ними и так ненавидят украинских рабочих и крестьян и по сей день. Я смело берусь утверждать, что ни одно пра-

вительство на Украине не может быть и не сможет быть еще долгое время спокойно за свое существование.

Мне лично, будучи секретарем Бюро Анархистов Донецкого Бассейна в Екатеринославе в 1918 году, пришлось вести переписку и быть связанным с 1400 деревнями.

Какое равнообразие интересов и вопросов! Какая жажда знания, света! А особенно, какая жажда разобраться в путях, методах и подходах к новой жизни. Какое желание творить!

Театры, библиотеки, всякого рода культурные предприятия влекли к себе украинскую деревню. Стремление к созданию новых школ, к организации коммун, к созданию добровольных об'единений для разных целей и жажда понять путь для осуществления новой свободной жизни, проглядывали в каждой беседе с их делегатами, в каждом их письме

Этот интерес к общественной жизни и жажда знания, жажда разобраться в событиях—сильны и по сей день, несмотря на все море крови, пролитое коммунистами-большевиками.

Даже в 1920 году, на Украине, особенно в Донецком Бассейне шла усиленная саморабота рабочих и крестьянских масс. В угольных районах рабочие собирались в шахтах, подальше от «коммунистических» глаз, и за анархической книжкой обсуждали «как строить жизнь на свободных началах». Коммунистические ячейки отбирали, обыкновенно, у рабочих всякую анархическую брошюрку.

В нескольких местах бывали даже неофициальные совещания представителей рабочих и ближайших крестьян, на которых обсуждались практические вопросы строительства новой жизни, товарообмен между городом и деревней, свободные советы,

рабочие союзы и т. д. и т. п. В некоторых местах были даже выработаны целые программы. Смешные, коряво написанные, но глубоко продуманные и с серьезностью составленные.

Некоторые из этих программ я видел лично.

В Донецком Бассейне были целые партийные комитеты коммунистов из рабочих и даже целые коммунистические организации, состоявшие из анархиствующих. К сожалению, по известным причинам, не могу дать ни одного примера.

Донецкий Бассейн, состоящий только из трудового рабочего элемента, настолько сильно «заражен» антиавторитарными и свободными тенденциями, что ни Троцкий, ни Ломов, ни Дзержинский, со всеми своими карательными мерами (высылка на север, переселение, аресты, штрафы и т. д.), не могли, до последнего времени, установить «коммунистический порядок».

Такое же настроение было и среди рабочих в городах.

Только те из анархистов, кто стоял в стороне от трудящихся масс, или занимались бумагомарательной саморекламой,—не видели этой глубокой работы в массах.

Эти товарищи «слона то и не приметили».

Я не думаю этого явления переоценивать. Я хорошо знаю, что этот интерес к строительству новой жизни на бесгосударственных началах, не закрепленный идейно, заглохнет. Но интерес к строительству новой жизни и жажда понять и творить эту жизнь были и есть.

Глубокая работа шла среди рабочих и в городах.

Рабочие организации были «огосударствлены», омертвечены и рабочие разбежались из них. От ра-

бочих организаций же осталась только внешняя мишура, тем паче, что «государству» все это ничего не стоило. И официальные «представители» союзов в России могли говорить об «организации» рабочих и от имени рабочих.

Об организации же самих рабочих масс и для рабочих масс... Об этом говорить не приходится. Их не было и нет, со времени знаменитого их огосударствления.

Но организованность у рабочих осталась. Она перешла в свое должное место: в производство. Рабочие организовались на работе, по производствам. Без помощи официальных организаций и против их воли, даже, они проводили грандиозную боевую работу по самозащите себя и своих интересов, от посягательств разного рода и государственного и частного капитализма. Забастовки были тысячами и иногда обхватывали целые города и области с миллионной рабочей массой. Забастовки против воли «огосударствленных» профсоюзов и большевистских советов, где действовали часто пулеметы и т. п., которые длились не неделями, а месяцами. Харьков в конце 1920 года, Москва, Петроград и десятки других городов в феврале—марте 1921 года, служат неопровержимым доказательством вышесказанному. Будущему историку рабочего движения и истории Революции в России придется не мало поработать, хотя бы, над забастовочным движением этого периода.

Все культурно-просветительные организации и общества были также взяты социалистическим государством в свои руки. Были устроены шикарные буфеты, сцены, все, что можно пожелать, но... под контролем коммунистов-большевиков. Но рабочие имели и свои «клубы», свои организации. И харак-

терно,—что в этих маленьких, нелегальных рабочих «клубах» бывали и рабочие—коммунисты.

В этих импровизированных рабочих клубах рабочие разбирались в интересовавших их вопросах. Еще больше. В одном из больших городов (по понятным причинам не называю его), по всем железнодорожным линиям этого района интструкторы, часто коммунисты, развозили «инструкции» и анархическую литературу. Они собирали также мнения, на основании которых составлялись проэкты как организовать фабрично-заводское производство, центрированное местно, подвижное производство, сельское производство, обмен и т. д. Один проэкт: «Единый союз трудящихся города и деревни», разработанный довольно подробно, даже заслуживает внимания. Таких проэктов я встречал не один. В разработке же выше названного проэкта принимали участие много рабочих—членов коммунистической партии и несколько бывших видных комиссаров. На одном из таких собраний свободных коммунистов, как они себя называли, на «часах», по охране собравшихся, стоял бывший председатель, Транспортной Чека целой дороги. Он, понятно, был рабочий от станка.

Немалая работа делалась и среди молодежи.

Но молодежь, не имея возможности создавать свои свободные союзы и организации, была вынуждена об'являть себя Коммунистическими Союзами молодежи, В противном случае им не давали ни помещения, ни книг, ни возможности передвижения, одним словом, не давали ничего делать. И получилось, что на Всеукраинском С'езде Молодежи, в 1920 году, 35—37 о/о делегатов молодежи были анархиствующие. Заходя в общежитие Ц. К. Коммунистического Союза Молодежи, во время с'езда, я

только и слышал: «эй ты, анархист!». Многие из делегатов имели даже определенные анархические убеждения. Особенно много было анархиствующих среди делегатов Донецкого Бассейна и рабочих центров. Центральные же комитеты Союзов Коммунистической Молодежи—просто государственные учреждения, где работали и работают чиновники-коммунисты. Свободная молодежь оставалась в Коммунистическом Союзе Молодежи только за неимением другого выхода. Фактически же, на местах, многие из них вели анархическую пропаганду и распространяли, главным образом, анархическую литературу.

В Харькове, даже, был такой курьез: в 1920 г., когда приехал Зиновьев, из городского союза коммунистической молодежи прибегают в магазин «Вольное Братство» с просьбой дать им некоторые произведения Кропоткина. Оказалось, что эти книги им нужны были, чтобы «разбить группку Зиновьева», А во время «свобод» на Украине, в том же году, этот союз хотел переименоваться в анархический *)

Во время этих же свобод, т. е. заключения известного договора между революционными повстанцами (махновцами) и Советским правительством, по которому анархисты получили право легально работать, выявилось ясно и определенно настроение рабочих, крестьянскиих, красноармейских и, частично, учащихся масс.

Даже среди многих анархистов, в большинстве стоявших в стороне от масс, я часто слыхал, что массы—реакционны, что массы—буржуазно настрое-

---

*) Факты беру из украинской жизни, ибо лично переживал их, работая в этот период на Украине.

ны, что массы—меньшевиствующие и т. п. Но этот период «свободной» пропаганды показал и доказал не только анархистам, но и меньшевикам и коммунистам настроение трудовых масс и с кем эти массы. В течении октября и до 25 ноября 1920 года рабочие и крестьянские массы Украины, особенно Харькова, вновь переживали революционный под'ем и настроение 1917 года. В Харькове жажда живого слова, жажда свободной мысли, были так велики, что, несмотря на то, что Чека была «на—чеку»; что целая свора шпионов и провокаторов рыскала везде и всюду,—массы ринулись к анархистам.

Клуб анархистов набивался, во время собеседований, до того, что ни выйти, ни войти нельзя было. И большая масса рабочих и красноармейцев еще оставалась на улице.

А через ворота, в том же здании, находился клуб меньшевиков. Но на их лекциях, по тем же вопросам, не было ни одного рабочего. На лекции «о махновщине» у них было 17 человек: 2 анархиста и 15 меньшевиков.

На всех заводах, на всех фабриках, анархисты встречались как близкие, как друзья и очень часто рабочие не давали говорить не анархистам.

Повторяю, я не переоцениваю сущности этого явления. Но, как настроение масс и их отношение к анархистам, оно—характерно и важно.

Газета «Набат», выходившая только в 3000 экземплярах (больше большевики печатать не разрешали) давалась только представителям от заводов, фабрик, красноармейских частей и т. д., по 1—4 экземпляра. Газеты зачитывались до дыр.

Я смело могу утверждать, что не было почти ни одного предприятия, где были рабочие и служа-

щие, куда бы анархисты не приглашались. И не один раз коммунистические ячейки, со скандалом, отказывались открывать собрание, из за того, что рабочие требовали дать слово анархисту. О больших же заводах, как паровозостроительный*), который в это время бастовал, не смотря ни на какие угрозы, выставив определенные революционные требования, о вагонных мастерских и других фабриках и заводах и говорить не приходится. Об этом должна была и говорила и офицальная коммунистическая пресса.

О настроении среди молодежи я уже частично говорил. Добавлю только, что в школе кооператоров оказалось больше 30 анархистов и около 150 сочувствующих (т. е. почти все). У них начались, даже, регулярные занятия по анархизму, при участии пишущего эти сроки. Начал проявляться большой интерес и у учащихся высших учебных заведений...

Сильное движение было и среди частей Красной Армии. Не было ни одного красноармейского отряда, где бы анархисты не встречали самый горячий прием. Всюду, во всех частях, как в Харькове, так и в других местах Украины, анархисты имели массы за собой. Как в Харькове, так и в других местах Украины красноармейские части готовились к демонстрации, в день открытия анархического с'езда. Во многих частях были избраны делегаты на с'езд анархистов. Даже в клубе Чека я присутствовал на на дискуссии об анархизме и «большевизме». Еще характернее. В Харькове к анархистам явились представители от нескольких красноармейских частей и предложили взять в л а с т ь в р у к и а н а р х и с т о в, отдавая себя в полное их распоряжение. Оно пока-

*) Насчитывал в то время больше пяти тысяч рабочих.

зывает, понято, как масса понимала сущность анархизма и задачи анархистов. Но сам факт характерен и интересен. Даже особый отряд при Совнаркоме Украины был на стороне анархистов.

Если бы анархисты захотели стать политическими авантюристами, на подобие большевиков, они свободно могли бы тогда захватить Украину в свои руки.

Один этот период мог бы показать и показал многим, что дух революции, дух жажды новой, лучшей жизни в трудовых массах не умер и что идеи бесгосударственности, децентрализации, самоорганизации, свободной инициативы и т. д., т. е. идеи анархизма, может и не вполне ясно,—залегли глубоко в умах трудящихся. В это время даже многие «пессимисты» научились кой чему.

То же настроение было по всей Украине: сотни ходаков от рабочих и крестьян приходили к анархистам, думая найти у них ответ на свои чаяния и надежды, на свою жажду найти путь к действительно новой жизни,—свободной, равной и сытой.

В это же время революционная повстанческая армия (махновцев) «помогла» сделать Красной Армии, втечение 13—15 дней то, что сама Красная Армия, со всей своей железной централизацией и дисциплиной, не смогла сделать за целый год. Она помогла разбить и разрушить всю армию Врангеля и очистить весь юг России от контр-революционных военных отрядов.

Ко всему этому, на 1 декабря 1920 года в Харькове был назначен с'езд анархистов. Делегаты начали прибывать со всей России...

Влияние анархистов росло не по дням, а по часам; растущая волна революционного под'ема трудо-

вых масс (понятно, для большевиков-коммунистов «несвоевременная») и т. д., привели к тому, что, в ночь на 26 ноября 1920 года, по всей Украине начались поголовные аресты анархистов и махновцев. Втечение недели действовали все органы Чека и все карательные силы Красной Армии. Масса революционных повстанцев, только вчера дравшихся вместе с Красной армией против белых, ловились коммунистическими отрядами и беспощадно расстреливались. Тысячи анархистов и революционных повстанцев (махновцев) наполняли тюрьмы. В одном Харькове было переарестовано более 3000 человек, из коих 348 человек остались в тюрьме. Среди них было много активных работников анархистов*), большинство которых томятся в большевистских тюрьмах и до сих пор.

Рабочие паровозостроительного завода забастовали, требуя освобождения анархистов. Несмотря на угрозы, постановления официальных губернских с'ездов и на... выставленные ультиматумы и пулеметы, рабочие продолжали бастовать, пока наиболее видные анархисты не были ночью вывезены в Москву. Только после увоза нашего из Харькова рабочие паровозостроительного завода, в количестве 5000 человек, прекратили забастовку солидарности.

• • •

«...Но это было на Украине. Такой революцион-

---

*) Среди арестованных в Харькове были: Волин, Барон, Анатолий (Горелик), Фаня Барон, Мрачный, Ярчук, Дрикер, Стоянов, Чекерев, Лева Коган, Кабась, Ольга Таратута и многие другие и все махновское представительство: Попов, Буданов, Хохотьба, **И. Чарин и др.**

ный дух и под'ем могли быть только на Украине, в классической стране «анархичности» масс и грандиозного повстанчества,—среди исторически свободолюбивого народа, но не на севере, не в Великороссии, где масса реакционна, забита и косна и где анархизм разбит еще 1918—1919 году»...

«Бросьте думать о работе в Москве, Москва центр большевиков. Москва—красная, в ней анархистам нет места...»

«Анатолий, Анатолий—вы увлекающийся человек... Ничего вы здесь не поделаете...»

«Посмотрите, клубы пустуют. Рабочие даже не заглядывают. Боятся слушать анархистов. А интелигенция... студенчество, это одни хулиганы, монархисты и черносотенцы. Лбом стены не прошибеш...»

«Массы на севере, особенно в Москве, идут за большевиками».

«Ну что же, пробуй. Но это тебе не Украина. Скоро опустиш крылья...»

отвечали мне, более или менее, видные анархисты, когда я ставил им вопросы относительно анархической работы в Москве. Это было уже после моего освобождения из Бутырской тюрьмы; в январе 1921 года. И действительно, первое время пришлось прошибать лбом стену... в московской анархической среде, где, как сказал мне Карелин, «одни генералы без солдат».

С кем я ни говорил о работе, я встречал подбадривающую полуулыбку, или еще хуже...

Но это сейчас не важно.

Московские рабочие начали слушать анархистов. К февралю месяцу, ко времени смерти П. А. Кропоткина, анархисты являлись желанными гостями в рабочей среде.

После же похорон П. А. Кропоткина, которые сильно возбудили и встряхнули все интелигентные, а частью и рабочие массы, не было почти фабрично-заводского, или рабочего собрания, куда бы не приглашали анархистов. Каждый вечер рабочие заполняли Леонтьевский и районные клубы анархистов. Всюду и в клубе на Леонтьевском, и на рабочих собраниях, и в Автобазе Совнаркома, и в украинском театре, и в Сергиеве, и во всех высших учебных заведениях (Горной Академии, 1-м Университете. Голицынских Агрономических Курсах, 1-м ветеринарном, 2-м ветеринарном, Высшем Техническом, 1-м строительном, Художественной школе и других), где мне приходилось читать лекции и выступать на митингах и собраниях, всюду были набитые аудитории, всюду были серьезные дебаты и вопросы.

Даже в Свердловском Коммунистическом Университете было несколько десятков сочувствующих, часть которых начала с'организовываться в отдельную группу. Мне лично приходилось проводить собеседования с этой группой.

Во всех высших учебных заведениях с'организовались анархические группы, которые создали Секретариат Об'единенного Анархического студенчества, впоследствии арестованного и высланного частью заграницу, частью в Архангельскую губернию.

А Москва рабочая, Москва трудящаяся переживала, так же, как и в Харькове в 1920 году, октябрьские дни.

В Москве началось такое сильное рабочее движение, такая забастовочная волна, такой явный крик недовольства и возмущения и требования исполнения октябрьских «обещаний», что большевики-коммунисты заволновались. Насколько сильно было возмущение масс, можно судить хотя бы по тому,

что, даже, московские анархисты «интелигенты» и опортунисты заволновались и заговорили о создании «Совета действия», так как трудно было сказать, во что бы вылилось народное волнение. Может быть, погромная волна на коммунистов захлестнула бы все и всех, ибо ненависть рабочих к большевикам-коммунистам была невероятная.

В Москве, в Петрограде были подпольные рабочие комитеты действия. Они составились только из рабочих—представителей от производства.

Легенда, что эти комитеты действия были «меньшевистские», лишена всякого основания. Громадное большинство членов комитетов были беспартийные и сочувствовали левым.

Из разговоров с некоторыми членами Московского комитета, я могу утверждать, что их цели,— цели рабичих масс, были близки и почти сходились с целями кронштадцев. Преждевременное выступление экспедиции заготовления бумаг в Хамовническом районе разбило планы московских рабочих.

Интересно, как большевики разбили эту забастовку. Большевики знали о существовании московского комитета действия. Когда вспыхнула забастовка в Хамовническом районе, угрожавшая захватить весь район, больш.-коммунисты немедленно мобилизовали коммунистические отряды. Красноармейцы обещали рабочим свою поддержку. В Свердловском Коммунистическом Университете, так же, как во всех районах, выступали видные коммунисты, призывавшие к экстренным мерам, не скрывая, что если волнение разрастется,—нельзя ручаться ни за что. Положение большевиков-коммунистов было угрожающее. И несколько сот курсисток и студенотв, в большинстве из Свердловского Университета переоделись в рабочие костюмы и от-

правились на рабочие митинги в Хамовнический район. Зал, где выступал Калинин, был набит переодетыми членами коммунистической партии, аплодировавшими до одурения. А на улице стояла волнующаяся толпа рабочих и работниц, не нашедших места в зале... Делегация от рабочих этого района, направившаяся в казармы, была встречена пулеметным огнем. Из делегации двое были убиты и несколько ранено. А красноармейцы в Москве, почти поголовно, были обезоружены. Курсанты, коммунистические отряды и командный состав исполняли все службы.

В это же время начались волнения в Питере и некоторых других городах, которые вызвали сочувствие и поддержку кронштадских матросов и гарнизона.

О том, что было в Кронштадте, говорить здесь не приходится. История восстания Кронштадта хорошо известна. Скажу только, что на все предложения белых оказать Кронштадту помощ деньгами, повстанцы ответили отказом. На предложение же, группой контр-революционных офицеров своих услуг, ответили: «Оставайтось, где вы есть! Для таких как вы у нас дела нет!»

А резолюция, принятая 1 марта в присутствии самого председателя В. Ц. И. К. Калинина, за которую голосовали и кронштадские коммунисты, хотя бы в пунктах 2 и 7, гласит:

«2.—Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистов-революционеров;

«7.—Упразднить всякие Политотделы. так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели».

Но лучше всего дадим слово Рижской большевистской газете «Новый Путь», от 19 марта 1921 года.

«Матросы Кронштадта, в своем большинстве, анархисты. Они идут не вправо, а влево от коммунистов. В своей последней радиотелеграмме они провозглашают: «Да здравствует Советская Власть!» Ни один единственный раз они не заявили: «Да здравствует Учредительное Собрание!» »Мы имели здесь дело с бунтом слева, а не с восстанием справа».

Кронштадт был второй Парижской Коммуной.*) В Кронштадте были задушены все лучшие чаяния и последние надежды многочисленного народа, ибо с Кронштадтом была вся трудовая и революционная рабоче-крестьянская Россия. Кронштадт 1 марта выставил те требования, которые глухо носились по всей необ'ятной России, от Белого моря до Кавказских гор и от Владивостока до западных границ.

Кронштадт был спровоцирован кучкой политических шарлатанов, во главе с Лениным и Троцким, и задушен ими же подлой и грубой физической силой. Но 900 человек, расстрелянных в Кронштадте, и каждый десятый в полках, отказавшихся наступать на Кронштадт,—своей героической смертью раскрыли глаза всему трудовому миру и разрушили две глупые сказки:

---

*) Кронштадт самое кровавое красное пятно на Рос. Коммунистической Партии и Коммунистическом Интернационале. Через несколько дней после «Кровавой недели» в Кронштадте, Ленин, на 10 м с'езде Российской Коммунистической Партии, выступил со своей программой «новой» экономической политики.

Одну, созданную коммунистической партией, что рабочие и крестьянские, а следовательно и красные армейские и флотские массы, идут за коммунистами-большевиками. Оказалось, что даже «Красный Кронштадт» был больше чем, «красный». Он оказался с анархическим духом и, даже, действием.

И вторую, распространяемую правыми социалистами-революционерами, социал-демократами меньшевиками и правее, что русские рабочие и крестьяне идут за ними. Влияние этих партий отрицать не приходится. Их влияние имеет силу, пока они критикуют власть большевиков. Но я видел влияние их при Деникине, Гетмане, Петлюре и других. Тогда ни монархисты, ни кадеты, ни, даже, меньшевики и правые социалисты-революционеры' не могли похвастаться ни любовью, ни поддержкой масс рабочих и крестьян. Тогда они...

Но это не так важно сейчас.

* * *

Кронштадт был разбит. Но большевики-коммунисты этим не удовольствовались. Им хотелось искоренить всякое недовольство всех рабочих и крестьянских масс. Им казалось, что стоит только переарестовать анархистов-пропагандистов и можно будет спокойно продолжать властвовать и говорить от имени рабочих и крестьян.

Но они глубоко ошиблись. Анархическую «заразу» не искоренить в Российских массах такими способами и методами. Как в Германии не искоренить силой дух подчинения, дух веры в начальство, благоговейность перед знаменитым «порядком», —так в России, особенно на Украине, не искоренить так скоро дух свободолюбия, дух возмущения.

Нужно вырезать, уничтожить целые поколения, чтобы вырвать с корнем этот дух свободы и независимости и ненависти ко всякой Власти.

Анархисты, работники Москвы, Петрограда и почти всей России, т. е. те, кто были на виду у Чека, были арестованы. Все клубы, издательства и т. д. были разграблены и разрушены:

Мартовский разгром анархистов в России особенно в Москве—известен, более или менее, и заграницей. Он всполошил даже многих верных больш-кам анархистов. Этот разгром заставил и анархическую «интелигенцию» выступить с открытым протестом перед Европой и Америкой и сказать правду о большевиках. Эмма Гольдман, Александр Беркман, Боровой, Шапиро и др. заговорили открыто о положении анархистов в России. Легенда о «русских анархистах» и «русском анархизме», которую распространяли даже многие анархисты-«интелигенты», начала рушиться не только в России, но и во всем мире.

Но, даже, в тюрьме анархисты не оставляли «власть» в покое и время от времени доставляли, и доставляют, наверное, и теперь не мало «горьких» минут.

Наиболее известная и распространенная история, это—Таганская голодовка.

Чтобы показать иностранным делегатам, приехавшим в Москву на с'езд Коминтерна, а особенно Профессионального Интернационала, истинную физиономию большевиков-коммунистов, анархисты, заключенные в Таганской тюрьме, об'явили 4 июля 1921 года голодовку протеста, требуя своего освобождения. Голодовка стала достоянием гласности. Приехавшие иностранные делегаты анархо-синдика-

листы, синдикалисты, индустриалисты и кое кто из коммунистов, всполошились.

Большевикам сначала удалось уговорить, даже, делегатов анархо-синдикалистов, что по тюрьмам сидят только бандиты, прикрывающиеся анархизмом. Анархист-делегат, пробравшийся нелегально в тюрьму на свидание, все уговаривал тов. Волина сказать «толькоправду,—сущую правду».

Но большевики сами так заврались, что делегаты начали настаивать на предоставлении им права выяснить правильность утверждений Ленина, Троцкого и др. членов Ц. К. Р. К. П. Делегатов долго водили за нос. Пока делегаты, через свою комиссию, не потребовали ультимативно, заявив, что в противном случае они затрудняются работать вместе с большевиками-коммунистами. Делегатам было обещано дать эти данные. Но ни Дзержинский, ни Самсонов (бывший эмигрант анархист) не могли этих данных сфабриковать. Вещественных доказательств, за исключением коммунистических уверений, делегаты не дождались и продолжали настаивать на нашем освобождении. После нескольких закулисных скандалов, Центральный Комитет Рос. Ком. Партии, вторично пересмотрев требование делегатов, постановил выслать нас заграницу, без права возврата в Советскую Россию под страхом расстрела*). Делегаты дали моральное поручительство за нас. После $10^1/_2$ дней, анархисты в Таганке прекратили голодовку. Достоя-

*) См. письмо Троцкого к комиссии (на имя Мишеля); письмо Ломова к Том Ману, брошюру Яковлева, изданную Коммунистическим Интернационалом, на иностранных языках: «Анархо-синдикалисты» перед судом мирового пролетариата.

нием гласности эта история стала благодаря благоглупости Центр. Ком. Рос. Ком. Партии, от имени которого Бухарин сделал в последний день с'езда Профессионального Интернационала свой грязный и подлый доклад о русских анархистах.

Разыгрался скандал *). И порядочный.

Лож большевиков и их настоящая физиономия раскрылась перед всеми делегатами, даже и «своими».

Но только 17 сентября, т. е. через два месяца после данного Ц. К. и правительством Р. С. Ф. С. Р. слова, мы были освобождены из тюрмы. За это время Вечека прилагала все усилия, чтобы спровоцировать нас и иметь какой нибудь предлог для оправдания неисполнения, данного заграничным делегатам, слова.

И только через 6 месяцев, после окончания голодовки, обещание было выполнено окончательно. Но в таком виде, что четверо из нас вместе с семьями, высланные с фальшивыми чехословацкими паспортами, были арестованы в Штетине и пережили не мало горьких недель, находясь под страхом обратной отправки.

Высланы были: Волин, известный в России и заграницей старый революционер и анархист,—бывший редактор «Голос Труда» в Нью-Йорке, потом в Петрограде; бывший член Секретариата анархистов Украины «Набат», редактор и сотрудник многих анархических изданий, член многих с'ездов и т. д. и т. д.

Ярчук, анархо-синдикалист с 1903 года, бывший ссыльный, потом эмигрант в Америке. Руководитель

---

*) См. отчет Профинтерна: Речь Бухарина, ответ Сироля и т. д.

выступления кронштадских матросов 3—5 июля 1917 года, член исполнительного Бюро Российской Конфедерации анархо-синдикалистов, редактор и сотрудник многих анархистических изданий, член многих с'ездов и т. д. и т. д.

Максимов—бывший член редакционной коллегии «Голос Труда» в Петрограде и сотрудник других изданий, Секретарь Исполнительного Бюро Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов и т. д. и т. д.

Мрачный—член секретариата Анархистов Украины «Набат», редактор и сотрудник многих анархических изданий.

Феодоров—старый анархист, бывший в ссылке.

Фельдман—старый анархист эмигрант.

Михайлов — член секретариата об'единенного студенчества,

Анатолий—анархист с 1904 года, эмигрант, редактор и сотрудник многих анархических изданий в России и заграницей, бывший секретарь Бюро Анархистов Донецкого Бассейна и т. д. и т. д.

Юдин и Воробьев—члены Об'единенного Анархического Студенчества.

Неспокойно было и в других тюрьмах. Сидение годами, без всякого обвинения, в ужасных, кошмарных условиях доводили многих анархистов до невероятного физического и духовного состояния. Большинство болело. И всякого рода протесты: голодовки, скандалы, обструкции стали обычным явлением среди арестованных анархистов. Но протесты оставлялись без внимания. Наоборот, издевательства становились еще невыносимее.

И анархисты решились на крайнее средство: побеги. Так из Рязани, в один раз и удачно бежали

10 анархистов. То же было и в некоторых других тюрьмах.

Все эти действенные протесты анархистов (Таганская голодовка, Рязанский побег и др.) так вворвали чекистов, что попавшие вскоре после этого в их руки анархисты: Лев Черный (Павел Турчанинов)—старый анархист, эмигрант, теоретик и основоложник теории ассоционного анархизма, бывший секретарь московской Федерации Анархистов, сотрудник некоторых анархических изданий и т. д.; Фаня Барон—анархистка с 1913 года, известная многим в России и Соединенных Штатах, бежавшая раньше из Рязанской тюрьмы; В. Потехин—рабочий печатник, анархист; Тихон Каширин—молодой анархист, бежавший из Ярославской тюрьмы и др., были расстреляны вместе с какими-то уголовными, под общим клеймом анархо-бандитов. Чека не только убила этих товарищей, но она еще постаралась оклеветать и обесчестить их память в глазах малопосвященных. Самому Льву Черному и его матери еще за несколько дней до расстрела было заявлено о скором его освобождении. Потехин был взят во время болезни с постели.

Так мстят большевики-коммунисты за свои политические неудачи анархистам.

В Российских большевистских тюрьмах томятся и сейчас сотни анархистов. Среди них много видных, старых работников. Ольга Таратута—старая анархистка, каторжанка; Барон—бывший ссыльный, потом эмигрант, бывший редактор некоторых анархических изданий и член секретариата Конфедерации Анархистов Украины «Набат»; Кабась Тарасюк—член секретариата Конф. Анар. Украины «Набат», работавший раньше в Америке, в Союзе Русских Рабочих; Олонецкий—член секретариата Конф. Анархи-

стов Украины «Набат»; Аскаров—старый анархист, эмигрант, редактор и сотрудник многих анархических изданий, член секретариата Анархистов-Универса листов; Бармаш—эмигрант, бывший смертник, сотрудник и редактор многих анархических изданий, член секретариата Анархистов-Универсалистов; Шапиро и Стеценко—члены секретариата Анархистов-Универсалистов; Ярославская—старая каторжанка; Карасик—каторжанин-смертник и десятки, если не сотни, других видных и активных работников-анархистов и много сочувствующих и молодежи. Много анархистов сослано на Север. С многими невозможно связаться и оказывать им помощь, за недостатком средств и из за невозможных отношений большевиков-коммунистов к делу помощи анархистам. В последнее время были даже случаи гонений и арестов не только за пропаганду идей анархизма, но и за сбор денег для больных, арестованных и освобождаемых товарищей. Такие «случаи» были на фабрике Альшванга, на Бромлеевском заводе, в 1-м Строительном Институте и т. д. в Москве. О провинции же и говорить не приходится.

А многие анархисты в тюрьмах больны: харкают кровью, цынготники и т. д.

Нужда невероятная.

И помощь из заграницы крайне необходима.

• • •

Большевики-коммунисты «победили». Чаяния народные, чаяния революционных масс разбиты. Реакция, голод, холод свирепствуют по России...

Не понапрасну ли погибли все эти лучшие? Не даром ли пролилось все море крови народных масс?

Уже из вышеприведенного видно, что не даром. И что семя, посеянное анархистами в народных массах даст хорошие всходы в будущей Российской Революции.

Страшный и кровавый зверь—Революция!

Особенно революции нынешние, когда политические клики еще имеют сильные корни и опору в народной темноте, когда борьба между группами и личностями за власть так сильна.

Но будем надеяться, что к будущей Российской Революции анархисты подойдут более подготовленными и приложат все усилия, чтобы она стала Социальной Революцией,—Революцией, которая положит начало строительству новых форм экономической, общественной и культурной жизни на бесгосударственных, свободно-федеративных началах. На это в России есть полная надежда.

• • •

Что же сделали анархисты в Российской Революции?

Какова была их роль?

Они очистили анархизм от целой кучи грязи, наброшенной на него всей кликой буржуазных идеологов отГурманди и Меньшикова до Мартова, Ленина, Чернова и Бухарина.

Они в самой массе анархистов искоренили глупую веру в бомбу и револьвер и уничтожили представление, что «эксы» и «террор» суть сущность и тактика анархизма.

Они углубили в анархической среде понимание анархизма, подняли сознание анархических масс. И

многие анархисты уже не подменяют анархизм революцией.

Они выдвинули новые формы организации, как анархические, так синдикалистические и индустриальные, которые анархическая масса старалась укрепить в жизни.

Они выдвинули в анархической среде вопросы не только революционно-разрушительные, но и революционно-созидательные.

Они старались посильно разрешить вопросы тактики.

Они поставили вопрос о роли анархиста во время революции и во время реакции.

Помимо этих и целого ряда второстепенных вопросов, поставленных в анархической среде, они:

пронесли глубоко в массы рабочих и крестьян анархическую мысль о свободной инициативе, бесгосударственном начале, федерализме, самоорганизации масс и убили, частью, веру во Власть, в Авторитет, а главное, в героя, в партию и в вождей;

пробудили в массах рабочих и крестьян чувство независимости и сознание собственного достоинства;

пронесли в массы новые формы организации трудящихся: фабрично-заводские комитеты, производительные организации и настолько сильно укрепили в сознании масс эти формы организации, что массы вынудили большевиков-коммунистов признать эти новые формы рабочей организации и считаться с ними. Еще в 1917 году многие из большевиков выступали против реорганизации профессиональных союзов в производственные;

более или менее привили и укрепили чувство и сознание солидарности и взаимопомощи;

привили массам и рабочих, и крестьян иные взгляды на революцию; взгляд на революцию как на коренное переустройство жизни;

провели грандиозную культурно-просветительную работу.

Как революционеры, анархисты принимали активнейшее участие во всех революцинных выступлениях масс и на всех фронтах против контр-революционеров, были в первых рядах. Это много раз отмечалось и «советской» прессой.

В каждом свободно-общественном движении принимали активное участие,—куда вносили дух смелости, отваги и независимости.

Оставили большое количество анархистов, работающих на местах, которые деятельным примером и сильным свободным словом будят и теперь массы к самодеятельности и самосознанию и сеют в массах трудящихся семя будущей революционно-созидательной мысли и творческого начала: свободолюбие, самостоятельность, сознательность, сознание силы сомоорганизации и свободной инициативы и сознание необходимости строительства новой жизни, на новых свободных началах.

Понятно, что успеху анархической работы способствовали и другие причины.

Но умалять роль и значение безвестных работников-анархистов, в этой работе, не приходится.

Не для славы, не для почестей, не для саморекламы и блеска в свете,—хоть и радикальном,—не для истории, даже, работали и работают эти тысячи анархистов и десятки тысяч анархиствующих. Но их работа,—работа безвестных тружеников идеи,—даст силу и мощь новой волне под'ема не только для разрушения старого, но и творчества нового свет-

лого человеческого будущего. Их незаметная, «маленькая» работа кладет камень по камню в фундамент новой жизни.

Жизнь—равнодействующая жизней отдельных личностей.

И новая жизнь может быть только тогда свободной, счастливой и довольной, когда большее количество усилий будет направлено на создание новой свободной жизни,—одними сознательно, другими полусознательно, а некоторыми, по увлечению, бессознательно.

Эти безвестные работники анархизма не ждут благодарности за свою малозаметную, но великую работу.

Не будем и мы их благодарить.

Но они нуждаются в нашей моральной и действительной помощи. Поможем же им в нашей общей работе.

Все трудящиеся, все, кому дорого дело освобожденя труда от цепей Капитала и Власти, а человека от оков многовекового рабства, должны поднять голос в их защиту и потребовать у большевиков-коммунистов прекратить свое Иудино дело.

Все, кому дороги интересы трудящихся, должны заставить друзей и единомышленников российских сатрапов, делающих гнусное подлое дело, воздействовать на этих палачей революционеров и революционной мысли. Всякий честный революционер должен пригвождать «друзей», оправдывающих эти действия, как сообщников этого гнусного дела, к позорному столбу. Таким людям не должно быть места в революционной среде.

К повсеместному крику:

«Хлеб для России!»

Прибавьте крик:

«Свобода для трудящихся и революционных масс России!»

И вместо обществ.

«Друзей Советской России»

организуйте повсюду общества:

«Друзей угнетенных революционых масс России».

Ибо, для восстановления нормальной жизни, российскому трудовому народу необходимы

и Хлеб и Воля*)

Берлин, март 1922 г.

---

*) На десятом Всероссийском С'езде Советов постановлено гарантировать охрану частной собственности всеми силами государства и ввести принудительное посредничество государства во всех конфликтах между рабочими и хозяевами. На основании этого постановления рабочий, не подчиняющийся решению Комиссариата Труда (последней инстанции), может быть уволен с работы без предупреждения и и оплаты, т. е. выброшен хозяином с завода.

Государство, хоть и социалистическое и с правительством из коммунистов, остается государством, и защищает только интересы Власти и Капитала.

Цена 30 сент.

8

